

СВЕТЛАНА ШАШЕРИНА*

Интерпретация системы ценностей в гомилетической традиции под Карпатами¹

ŠAŠERINA, S.: Interpretation of the Value System in Homiletic Tradition under the Carpathians. In *Slavica Slovaca*, 2021, Vol. 56, No 3, pp. 398-402 (Bratislava).

The monuments of the didactical genre of Carpathian provenance represent quite simple and unambiguous interpretations of the scriptures about morality and the way of righteous life. Homily as a genre focuses on educating listeners and supporting them on the right path of life. The awareness of one's own sin nature, the struggle with it, and the attainment of the ideal, generally taken as a choice between good and evil, are the main themes of any interpretation of evangelical readings. In this context, it is necessary to properly understand the value system of medieval man and to define the basic concepts that determine his relations with people and God. In the article, the author deals with the concepts of God, good, justice, evil and sin.

Cyrillic manuscript tradition, didactical gospels, system of values, traditional values.

Православные христиане в Венгрии в период заключения Ужгородской унии и несколько позже занимали, как правило, невысокое положение в социальной иерархии. Это обусловлено и их традиционным родом занятий, и местом проживания на периферии страны на территории современной восточной части Словакии и западной части Украины в близости Карпат, а также их принадлежностью к иноязычному национальному меньшинству. Тексты, содержащиеся в сборниках кириллических карпатского происхождения указанного периода, обычно представляют собой очень простые, непритязательные наставления в христианской нравственности. Они не представляют особой исторической ценности, так как почти не содержат ни упоминаний исторических событий, ни описания повседневной жизни людей. Поучения однако являются интересным источником материала с точки зрения истории языка: тексты проповедей, написанные вернакулярным языком, предваряются переводами перикоп Священного писания на тот же языковой код. Использование отдельных отрывков Нового Завета на языке местного населения свидетельствует о широком распространении протестантского убеждения о том, что Божие слово необходимо распространять на языке простого народа.² Тексты подобного рода безусловно свидетельствуют о переводческом таланте местных клириков.³

*Mgr. Svetlana Šašerina, PhD., Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Dúbravská cesta 9, 84104 Bratislava.

¹ Štúdiá v podobe referátu odznela na medzinárodnej vedeckej konferencii s názvom *Obraz krízy v jazyku a kultúre. Kríza ako príležitosť pre revitalizáciu hodnotového systému spoločnosti*. Štúdiá je výsledkom riešenia projektu VEGA-2/0067/20 „Priprava a vydanie rukopisu poučení a výkladov k Svätému písmu z 18. storočia“.

² Фактически идея перевода Писания на народный язык берет свое начало в сближении православных с протестантами и является отголоском Реформации: „Какъ бы ни было кратковременно и непрочно сближение православныхъ съ протестантами, но результатомъ воздействия – и отрицательнаго и положительнаго – реформации на православныхъ остался исторически установленный фактъ пробужденія и укрѣпленія у православныхъ сознания необходимости перевода св. писанія на народный языкъ, необходимость живой на немъ проповѣди слова Божія“ Ср. Петровъ, А. Л.: *Отзвукъ Реформации въ русскомъ Закарпатъ XVI в. Няговскія поученія на Евангеліе*. Матеріалы для історії Закарпатської Русі VIII. Прага, 1923, с. 67.

³ О языке переводов евангельских перикоп мы уже писали, например, в статье Вашичкова, С.: О языке евангельских перикоп учительных евангелий карпатского региона. In Žeňuch, P. – Zubko, P. et alii (eds.): *Liturgické*

Проповедь как жанр направлена прежде всего на наставление прихожан на верный путь, она напоминает им правды веры и изобличает грехи, поддерживая христиан при жизни стремиться к божественной благодати после смерти. В этом смысле идея всех поучений – осознание грешной природы человека, борьба с ней и достижение совершенства, в глобальном смысле это выбор между добром и злом. В этом контексте чрезвычайно важна правильная интерпретация понятия *добро*, ведь именно оно во многом определяло общественные ценности и было мерилом этического и эстетического.⁴

Абсолютное добро по своей природе, его средоточие и источник – это *Бог*. Его восприятие антропоморфично: библейские слова о том, что человек был создан по Его образу и подобию, естественно воспринимаются как указание на физическое сходство с человеком.⁵ Человек интерпретирует Бога как личность. Предстает Он в двух ипостасях: Пантократор, или Вседержитель, имеющий власть над всем сущим за земле, над жизнью и смертью, и Христос, близкий и понятный человеку. Именно Христос, по легенде, заключил кровное братство с Провом,⁶ помог вылечить слепоту его отца. Слепота в этом контексте представляется не только физическим, но и духовным изъяном: излечивая больных, Христос оживляет их веру и становится таким образом “посредником” между земным и небесным. Присутствие такого милосердного Бога в жизни человека все равно рождало в сознании чувство зависимости человека от Бога как от высшей силы, от того, в чьих руках находятся жизни и судьбы. Человек в этих отношениях предстает слабым, а вся его земная жизнь мыслится как приготовление к жизни вечной и наполнена страхом перед грехом и жадой спасения.

Бог стоит в центре системы ценностей средневекового человека, определяет границы дозволенного и недозволенного, хорошего и плохого. Именно религиозные ценности формировали общественные нравы и мораль. Важнейшей ценностью в жизни человека была вера, определявшая смысл всей человеческой жизни, формировавшая мировоззрение и отношения в обществе. Это понятие в сознании человека также связывается с оппозицией своей, правой, веры и веры ложной, еретической: к еретикам относились прежде всего протестанты, чаще всего кальвины, представители католической церкви, а также и ново-сформировавшиеся униаты, грекокатолики. Кроме того, существовала оппозиция с так называемыми “поганами”, то есть нехристианами, и “жидами”, то есть евреями, причем “жидовский закон”, то есть иудейская традиция, ставится выше “поганской”, а иногда и выше “еретической”, т. е. выше другой христианской деноминации.⁷ Вера в системе координат вообще значила не просто личные отношения с Богом и принадлежность к определенной традиции и сообществу. Вера переводилась в категорию этики,⁸ характеризовала отношения внутри общества, которые строились на доверии или недоверии. Верный человек это и представитель конкретной деноминации, и человек, которому можно доверять, это оценка его этических качеств.

jazyky v duchovnej kultúre Slovanov. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Slovenský komitét slavistov, 2017, s. 133-140.

⁴ Вендина, Т. И.: Средневековый человек в зеркале старославянского языка. Москва: Индрик, 2002. с. 183-185.

⁵ Вендина, Т. И.: Средневековый человек, с. d., с. 158-166.

⁶ См. Шашерина, С.: Две углянские рукописи поучений и притч XVII века. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae, VI. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV – Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, 2019, с. 474-475.

⁷ См., например, Вашичкова, С.: Традиционные христианские ценности и их отражение в гомилетической традиции Мукачевской епархии в XVII – XVIII вв. In Седакова, И. А. – Китанова, М. – Жених, П. (ред.): Взгляд на славянскую аксиологию. Москва: Институт славяноведения РАН, 2019, с. 141-158.

⁸ Вендина, Т. И.: Средневековый человек, с. d., с. 196.

Важной частью поучений в многоконфессиональной и неоднородной этнической среде становится вопрос охраны веры и отношений с иноверцами. В кириллических учительных памятниках письменности находится критика кальвинов, которая касается в основном вопросов евхаристии, критика униатства, священников и людей, переступивших в римскую церковь.⁹ Количество таких откровенно критических пассажей в рукописных памятниках довольно велико, это актуальная проблема того времени. О том же свидетельствуют и пассажи с призывами защищать свою веру. Подобные полемические нападки однозначно отражают отношение и реакцию православной части общества на латинизационные и реформационные процессы, происходившие в северо-восточной части Венгерского королевства в конце XVII века.

Отношения с иноверцами однозначно определяются в Ужгородском номоканоне: в нем установлен запрет на трапезу с иноверцами и смешанный брак. И если в учительных евангелиях прослеживается в целом приемлемое отношение к евреям, местами даже лучше, чем к кальвинам, то Номоканон заявляет о нечистоте пшеницы и масла, купленного у евреев, и запрещает применять их при приготовлении литургического хлеба. Общение с язычниками оскверняло христианина и вело к его отлучению от церкви за исключением тех только ситуаций, когда вторая сторона обращалась в правоверное христианство.¹⁰

Противоположный Богу полюс в системе ценностей представляет собой зло. Злоречие, зловерие, злонравие – это то, что характеризует только человека, и то, что не исходит от Бога, то есть нечто, присущее земной природе человека, который в равной степени сопричастен как добру, так и злу. Определяющее значение в жизни человека имеет грех. Понятие времени, разграничение пространства, работа, отношения с Богом, создание социальных связей, ритуальные практики – вся жизнь человека и его отношения с миром вращаются около этого понятия.¹¹

Историческое время разделено грехом: до грехопадения Адама и после него, до Рождества Христова и после, до Страшного суда и после. Фазы истории человечества следуют друг за другом в соответствии с ключевыми событиями в истории греха; переход от исходного совершенства к состоянию, характеризующемуся присутствием греха – грехопадение Адама и Евы; воплощение Христа начинает процесс спасения, то есть освобождения от греха; конец времен принесет окончательный суд над грешниками и вечную славу тех, кто не грешил. Внутри этого исторического времени протекает индивидуальное время: оно начинается рождением, когда человек берет на себя грех прародителей; продолжается после крещения, когда освобожденный от первородного греха человек получает возможность противостоять грехам, которые его окружают; и кончается физической смертью, когда из-за совершенных дел будет навеки осужден или спасен.

Грех определяет и пространство: в раю ему нет места; земля же полна грехов, однако даже на земле можно создать среду свободную от греха, например, монастырь; загробный мир тоже делится на части по признаку присутствия или отсутствия в нем греха на рай и ад, в католической традиции существует еще понятие о чистилище и лимбе.

⁹ Об этом см. подробнее в Вашичкова, С.: Традиционные христианские ценности и их отражение, с. d., с. 142-143.

¹⁰ Žeňuch, P. – Beľakova, E. V. – Najdenova, D. – Zubko, P. – Marínčák, Š.: Užhorodský rukopisný Pseudozonar. Pravidlá mníškeho a svetského života z prelomu 16.-17. storočia. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae, V. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV; Slovenský komitét slavistov: VEDA, vydavateľstvo SAV; Moskva: Institut rossijskoj istorii RAN; Sofia: Kirilo-Metodievski naučen centăr BAN; Košice: Centrum spirituality Východ-Západ Michala Lacka, 2018, с. 164.

¹¹ Porovnaj Le Goff, J. – Schmitt, J.-C.: Encyklopedie Středověku. Praha: Vyšehrad, 2020, s. 219-228.

Грех стоит в начале серии индивидуальных и коллективных ритуалов: крещение, исповедь, пост, епитимья, молитва, паломничество – все они проводятся с одной конкретной целью: ограничить влияние греха на человека и на мир в целом.

Грех проявляется и в целом ряде отношений, в которых состоит человек. Власть может приводить к честолюбию и тщеславию, социальное положение – к зависти, экономическая активность может быть причиной скупости. Все аспекты жизни человека в обществе могут приводить к какому-либо греху и им наполнены. Общество, к которому принадлежит человек, – это собрание грешников. За отпущением грехов и исцелением души человек обращается к Богу.

Грех определяет и динамику отношений между телом и душой в рамках одной личности: после того, как их изначальное совершенство было разбито грехом, душа и тело живут вместе в одном теле в состоянии постоянного напряжения, из которого снова возникает грех. С одной стороны – телесность как источник побуждений, с которыми сложно совладать, с другой стороны – туманный дух, который не владеет телом, в котором пребывает, а в стремлении к хорошему его постоянно что-то останавливает. Наказание за первородный грех тоже определяет устройство греха: тело вынуждено тяжело работать, чтобы могло выжить, а интеллектуальная работа, которая является результатом любопытства сильного духа, преодолевает неведение, в которое тело было ввергнуто вследствие греха.

В каждой проповеди греху уделяется центральное внимание, они полны размышлений о происхождении и существовании греха, о его недопустимости и вредоносном действии. Люди стали говорить о грехе раньше, чем о всем остальном: грехопадение Адама и Евы записано в Писании, Церковь говорит о грехе с целью привить в человеке отвращение ко злу и направить его к добру, христиане регулярно говорят о грехах на исповеди в течение жизни и перед смертью. Так явная антиценность становится объектом гораздо более обсуждаемым, чем сама добродетель.

Грех является объектом не только практики, но и теории. В богословии грех-событие анализируется как объект, определяется его природа, его исследуют подробно, ищут его причину и последствия. Теоретическим изучением греха занимается теология, а практическим – духовное управление, результаты исследований предлагаются обществу, например, в законниках, номоканонах.¹² Так, изучение природы греха и его механизмов дает импульс к развитию понятия *права* и *справедливости*.

Если право – это нормы и обычаи, регламентирующие отношения между людьми, то понятие о *справедливости* в представлении человека неразрывно связывалось с Богом. Оно является основополагающим в представлении о Страшном суде.¹³ «Справедливый» в этом контексте значит ничто иное, как «истинный, правильный, объективный». Человек обращался к Богу, перечисляя на исповеди свои грехи и ожидая справедливого за них воздаяния, надеясь не на возмездие, но на прощение и отпущение грехов. Как и многие другие, понятие справедливости было одновременно религиозным и этическим; оно заставляло человека судить о своих поступках в соответствии с правилами морали и нравственности.

¹² Сравни, например, издание Ужгородского Номоканона: Žeňuch, P. – Beľakova, E. V. – Najdenova, D. – Zubko, P. – Marínčák, Š.: Užhorodský rukopisný Pseudozonar. Pravidlá mníškeho a svetského života z prelomu 16.–17. storočia. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae, V., c. d.

¹³ См., например, Женьюх, П.: Отражение этнокультурных процессов в паралитургической духовной культуре церкви восточного обряда под Карпатами в XVIII в. In Сedaкова, И. А. – Китанова, М. – Женьюх, П. (ред.): Взгляд на славянскую аксиологию. Москва: Институт славяноведения РАН, 2019, с. 98-99.

В заключение следует сказать, что поучительные кириллические памятники карпатского происхождения ожидаемо создают образ правильного жительства и предостерегают от отступничества от Божественной благодати вследствие греха. Доступными словами церковь еженедельно предлагает единственный верный способ преодоления каждого кризиса через признание и защиту своих ценностей, а именно Бога, добра и веры.

Вýклад hodnotového systému v homiletickej tvorbe pod Karpatmi

Svetlana Šašerina

Cyrilské vieroučné texty karpatského pôvodu z 17.–18. storočia sú zvyčajne veľmi jednoduchými, nenáročnými návodmi na kresťanskú morálku. Kázeň ako žáner sa zameriava predovšetkým na poučenie farníkov, pripomína im pravdy viery a odhaľuje hriechy, podporuje ich, aby sa počas života usilovali o Božiu milosť po smrti. V tomto zmysle je myšlienkou všetkých ponaučení a výkladov Svätého Písma uvedomenie si hriešnej podstaty človeka, boj s ňou a dosiahnutie dokonalosti; v globálnom zmysle je to voľba medzi dobrom a zlom. Boh stojí v strede hodnotového systému stredovekého človeka, vymedzuje hranice dobra a zla. Práve náboženské hodnoty formovali spoločenskú morálku. Určovali zmysel celého ľudského života, formovali svetonázor a postoje v spoločnosti. Dôležitou súčasťou zmyslu ľudského života bola v čase vzniku týchto homiletických príručiek najmä problematika ochrany viery a vzťahov s predstaviteľmi iných vierovyznaní. Na opačnej strane hodnotového systému stojí zlo zapríčinené hriechom. Sám hriech a pokánie predpokladajú odpúšťanie, ale duchovný pád bez daru pokánia prináša spravodlivú odplatu na Poslednom súde. Hriech sa prejavuje vo vzťahoch, v ktorých sa človek každodenne pohybuje.